

Ранним утром следующего дня Фэн Сяо, Цуй Буцуй и их компания из четырех человек покинули Цемо и направились к Апа-хану, к горе Санми.

Как только Гао И получил известие об их отъезде, изъявил желание проводить их лично, но Цуй Буцуй отверг это предложение. Поскольку их было всего четверо, и на них было возложено важное поручение, они не хотели лишнего внимания.

С тех пор как произошел этот инцидент в Цемо, им пришлось отказаться от своей маскировки и раскрыть свои личности; они не только приобрели нового врага в лице тринадцати павильонов Юньхай, но и до сих пор не раскрыли дело, касающееся Фо Эра. В предстоящем долгом путешествии обеспечить безопасность Цзинь Лянь до тех пор, пока они не придут ко двору тюркского хана, вероятно, будет непросто.

Однако, вопреки их ожиданиям, с того момента, как они покинули Цемо, отдохнув по пути несколько дней в Кучу, прежде чем двинуться дальше к подножию горы Санми, и вплоть до приезда во владения хана, когда они увидели колышущееся на ветру тюркское знамя, их путешествие было абсолютно гладким, без малейшего намека на опасность.

Даже Цзинь Лянь почувствовала, что все прошло слишком уж хорошо, она не смогла удержаться и спросила Цуй Буцуй:

— Может быть, Фо Эр отказался от намерения убить меня?

— Пока мы не увидим Апа-хана, рано о чем-либо судить. Расскажите мне сначала, какой человек Апа-хан?

Хотя у бюро Цзоюэ были собственные способы получения информации, это не могло сравниться со взглядом человека, делящего постель с Апа-ханом. Несомненно, она была одной из тех, кто знает хана лучше всех.

Немного помолчав, Цзинь Лянь сказала:

— Он... на самом деле, он в некотором роде глуп.

Цуй Буцуй приподнял брови.

В бюро Цзоюэ он слышал много слухов об этом человеке, большая часть которых исходила от людей, которые часто находились рядом с ним. Среди них самые обычные и заурядные заключались в том, что Апа-хан — невероятно подозрительный и завистливый человек, и его честолюбивые желания велики, а также были сведения, полученные от ханьцев, ставших военной добычей тюрков, но сбежавших обратно в ханьские земли. Они обычно использовали слово «дьявол» для описания его страсти к кровопролитию.

Цзинь Лянь всегда была настороже по пути сюда, и только сейчас она, наконец, заговорила об этом с Цуй Буцюем.

— У тюрков много кланов, и там также много ханов, совсем как в эпоху Весен и осеней на Центральных равнинах, у каждого свое владение. Открытые войны друг с другом - очень обычное дело. Сегодня ты можешь быть ханом, а завтра я могу стать командующим, и никто этому не удивится. С тех пор как Бага-Ышбара хан (использую этот вариант, поскольку Шабалюкзаханем, все же, его называли только ханьцы; вероятно, в последующем тоже будет использоваться этот вариант, не путайтесь, пожалуйста) пришел к власти, он обнародовал свои намерения завоевать все окружающие кланы и объединить в один. Не то чтобы Апа-хан не знал об этом, но, иногда, помимо войны, есть множество других способов устранить кого-то, поэтому людей, которые постоянно находятся рядом с ханом, время от времени меняют.

Цуй Буцуй кивнул. Он уже слышал об этом раньше.

На этом моменте Цзинь Лянь не смогла сдержать легкого вздоха:

— На самом деле, хан амбициозен. Прежде чем я покинула хана, чтобы уехать на Центральные равнины, он приказал мне обучить группу женщин-телохранителей, он сказал, что верность женщин более надежна, чем у мужчин, поэтому они могли бы гарантировать его безопасность.

Фэн Сяо бросил на нее странный взгляд:

— Каково мнение вашего хана о женской красоте?

Цзинь Лянь прямо ответила ему:

— Все падки на красоту, как члены императорской семьи, так и люди из низшего класса. Так мог ли хан быть исключением?

Эта Кедун Цзинь Лянь выглядела очень хорошо для своего возраста, кроме того, она была довольно образована и часто помогала Апа-хану в управлении кланом, завоевав его доверие и восхищение. Однако, в конце концов, она все равно оставалась лишь наложницей хана и не могла не беспокоиться, что однажды он потеряет к ней интерес. Она боялась, что, когда она вознамерится объединить Апа-хана и Империю Суй, ее предадут во время ее отъезда, поэтому группу женщин-телохранителей можно было использовать как для поддержания ее статуса, так и в качестве ее шпионов.

До этого момента Цуй Буцью более-менее все понимал.

Этот Апа-хан — всего лишь мужчина с обычным набором качеств, любящий женскую красоту и обладающий сердцем, отягощенным подозрениями.

Хотя в Западном и Восточном Гектюрке много кланов, после того как Бага-Ышбара хан пришел к власти, Апа-хан не думал о том, как преодолеть проблему, он лишь наблюдал за колебаниями власти между Империей Суй и Бага-Ышбара ханом. Это говорило о том, что его героических усилий недостаточно, и, хотя он все еще имел некоторые амбиции, они уменьшились с возрастом.

Убедить подобного человека вступить в союз с Империей Суй будет несложно, пока он убежден, что Империя Суй может нанести ему сокрушительное поражение, он не осмелится выступить против нее.

Кроме того, через несколько дней состоится собрание восьми кланов, это также можно будет использовать в своих интересах.

Пока он думал об этом, несколько всадников появилось перед ними, преградив им путь.

Один из всадников был потрясен, увидев Цзинь Лянь, он немедленно опустился на колени, чтобы поприветствовать ее.

Цзинь Лянь приняла это, сидя верхом на своей лошади, она держалась невероятно гордо, что полностью отличалось от той мягкости и доверительности, которые она проявляла к Фэн Сяо и

Цуй Буцюю в дороге.

Когда они обменялись несколькими фразами, внезапно Цзинь Лянь потрясенно огляделась и вопросительно выкрикнула какие-то слова. Хотя всадники просили у нее прощения, они все равно двинулись к Цуй Буцюю и остальным, держа в руках длинные мечи. Они не выглядели так, будто встречали гостей, и уж точно не выглядели дружелюбно.

Фэн Сяо и Цяо Сянь не понимали тюркский, поэтому Цуй Буцуй объяснил им на предельной скорости:

— Они хотят схватить нас. Цзинь Лянь сказала, что мы ее гости с Центральных равнин и нам разрешено предстать перед ханом, но они ответили, что хан отдал приказ, согласно которому любому человеку с Центральных равнин больше не разрешается входить в его двор.

Цзинь Лянь побледнела. Она так старалась привезти сюда этих послов Империи Суй, но это дело обернулось против нее из-за подозрительных сердец тюрков, она теперь стала врагом. Не говоря уже о том, что все ее путешествие было напрасным, ее власти и статусу также грозила опасность.

На самом деле, она знала, что Цуй Буцуй и Фэн Сяо были не из тех людей, которыми легко помыкать. Если тюрки оскорбят их, вполне возможно, что они смогут убраться из этого места и даже создать некоторый беспорядок. Память о Дуань Цигу все еще была свежа в ее памяти, поэтому, вне зависимости от того, как сложатся дела, Цзинь Лянь не хотела себе подобной участи.

Подумав, она быстро повернулась к Цуй Буцюю и Фэн Сяо:

— Мне очень жаль. Я и представить не могла, что хан отдаст такой приказ. Даже если это будет стоить мне жизни, я не позволю обидеть вас, так что, пожалуйста, подождите здесь, позвольте мне увидеть хана и все объяснить, прежде чем выйти сюда, чтобы поприветствовать вас обоих внутри!

Цуй Буцуй спросил:

— Прежде чем кедун уйдет, могу я узнать, всегда ли хан так обращался с людьми с Центральных равнин?

Цзинь Лянь покачала головой:

— Я получила разрешение хана, прежде чем отправиться на Центральные равнины. Указ вы видели сам, он подлинный.

— Значит, после того как вы покинули это место, должно было произойти что-то, что заставило хана изменить свое решение. Что касается искренности кедун, то мои люди убедились в этом сами, мы будем ждать вас здесь.

Когда Цзинь Лянь увидела, что Цуй Буцуй не собирается ни в чем ее обвинять, она на мгновение почувствовала облегчение, немедленно извинилась и удалилась. Она выкрикнула несколько команд солдатам, на что последние ответили презрительным взглядом. Они бросили несколько взглядов на Цуй Буцую, они энергично кивали головами и, наконец, придя к какому-то соглашению, оставили их и поскакали в сторону двора хана.

Цуй Буцуй и его компания прождали почти час, прежде чем увидели направляющуюся к ним группу людей. Эти люди выглядели незнакомо, ни тех, кого они встретили до этого, ни Цзинь

Лянь среди них не было.

— Может быть, у них произошли какие-то внутренние изменения? Что, если старый хан мертв, и теперь правит новый, собрание отменено, и даже Цзинь Лянь потеряла свой авторитет? — предположил Фэн Сяо.

— Бюро Цзецзянь получает новости отовсюду. Командующему Фэну все еще нужно спрашивать меня? — холодно сказал Цуй Буцью.

Фэн Сяо развел руками:

— Каждый день в бюро Цзецзянь доставляются если не сотни свитков, то по крайней мере десятки. Это не моя вина, что я не родился с такой памятью, как у даоса Цуя, так как же я могу запомнить их все? В конце концов, изначально я хотел вернуться в столицу после закрытия дела об убийстве посла Хотана, как я мог предвидеть, что ты коварно утащишь меня в это путешествие?

Если сказать другими словами, он снова переложил всю ответственность на Цуй Буцью.

— У хана есть два сына. Первый, Эден, сын старшей кедун. Второго зовут Эйд, его матери не повезло, вскоре после его рождения она скончалась. Тюркский народ отдает предпочтение сильнейшим. Сын, узурпировавший место отца, братья, борющиеся друг с другом за власть, — такие случаи обычны и часто наблюдаются. Настороженность Апа-хана сильна, и насколько я знаю, оба его сына сами по себе не обладают большой властью. Ты видишь, что Цзинь Лянь обладает немалой властью, это потому, что у нее нет сыновей. Это достаточное доказательство.

— То есть оба его сына не представляют для нас угрозы? — уточнил Фэн Сяо.

— Не совсем. Я слышал, что Апа-хан отдает всю свою любовь второму сыну, пренебрегая при этом своим старшим сыном, потому что он думает, что его старший слабый, без львиного сердца, которое присуще натуре тюрков.

На этом он остановился, потому что люди уже подошли к ним и, разделившись на две группы, окружили Цуй Буцюя и его компанию.

Главный из них что-то прокричал, его взгляд пронзал невероятной свирепостью и жестокостью, в воздухе витало убийственное намерение.

С другой стороны, Цуй Буцюй совсем не выглядел обеспокоенным, когда разговаривал с ними.

Через некоторое время Фэн Сяо услышал, как Цуй Буцюй быстро бросил им:

— Быстро уложите всех этих людей, но не убивайте. Схватите их главного, и вместе с ним ворвемся во двор хана!

— Только мы втроем? Разве это равнозначно дарованию овец стае волков? — с сомнением спросил Фэн Сяо.

Цуй Буцюй холодно посмотрел на него:

— Когда рядом командующий Фэн, как другие могут считаться волками?

— Ха-ха! — Фэн Сяо громко рассмеялся. — Мне нравятся твои слова!

Едва сказав это, он устремился к тюркским солдатам. Один из них издал судорожный вздох и попытался затоптать его своей лошадью, но разве Фэн Сяо дал бы ему такой шанс? Только мелькнула его тень, солдат с криком уже упал на землю.

Увидев, что Фэн Сяо сделал шаг, Цяо Сянь последовала его примеру, не из страха смерти, а из желания защитить Цуй Буцюя.

Навыки этих солдат позволяли им быть достаточно устрашающими, чтобы грабить жителей Центральных равнин, но как они могли сравниться с Фэн Сяо и Цяо Сянь? Очень быстро все они оказались на земле и так и не смогли подняться, только их предводитель дергался в руке Фэн Сяо, словно маленький цыпленок.

— Вперед! Давайте поднимем ветер и волны! — взгляд командующего Фэна горел таким энтузиазмом, словно его единственное опасение состояло в том, что в мире наступит мир, и ему не о чем будет заботиться.

С заложником в руках все прошло гладко.

Ранг этого человека являлся отнюдь не низким, он был ябгу, на языке тюрков, это что-то вроде генерала или командующего. По дороге, пока Фэн Сяо тащил его за собой, все смотрели на него со страхом и гневом, но ничего не могли поделать, так что им оставалось только доложить хану.

Итак, через час они наконец прибыли в ханскую юрту и наконец-то увидели великого Апа-хана.

Ему было около сорока-пятидесяти лет. Черные пряди его волос перемежались с белыми, щеки покрывала борода, и, похоже, он имел привычку щуриться, когда смотрел на кого-то.

Неизвестно, было ли это как-то связано с возрастом, но он выглядел немного осунувшимся.

Говоря по правде, по сравнению с ним Цзинь Лянь выглядела почти в десять раз энергичнее и решительнее.

Если бы она была ханом, Цуй Буцюю и его людям не пришлось бы проходить через столько неприятностей.

Однако, действительно жаль, что в настоящее время мужчины доминируют, и как бы амбициозна ни была Цзинь Лянь, своих целей она могла достичь только с помощью Апа-хана.

— Человек с Центральных равнин, почему ты держишь моего ябгу в заложниках? — спросил недружелюбным тоном Апа-хан, устремив на них пристальный взгляд.

Юрта хана была невообразимо огромна, вокруг него, кроме Цзинь Лянь, сидели придворные. Каждый из них пристально смотрел на стоявших в центре.

Цуй Буцуй и Фэн Сяо, в свою очередь, заметили кое-кого знакомого.

Внизу, прямо возле трона хана, сидел Фо Эр и бесстрастно смотрел на них.

Ханьская женщина, такая же, как они, могла лишь разливать вино гостям, опустив глаза и не смея даже поднять голову.

— Ах!

В этот момент раздается крик боли, эту служанку пнули в живот, и она отлетела далеко.

На некоторое время она распласталась на земле, но быстро заставила себя подняться, дрожа, словно боясь обидеть важных гостей.

— Ничтожный человек с Центральных равнин, я мог бы раздавить тебя, как муравья! — член семьи хана, пнувший ее, ухмыльнулся, а после перевел взгляд на Цуй Буцую, одарив его злобной улыбкой.

Цзинь Лянь не охраняли и не удерживали, как ранее, кажется, она даже переоделась в новую одежду и щедро нарядилась, как обычно это делала Гектюрке. Но когда она смотрела на них, ее взгляд был нервным и взволнованным, как будто ей было что им сказать, но из-за сложившейся ситуации она не могла открыть рот.

«Такого рода ситуации действительно... заставляют человека ощущать себя окруженным

врагами», —подумал про себя Цуй Буцью.

<http://bllate.org/book/13926/1227046>